

принадлежит к числу ее добродетелей. Чтобы уяснить себе меньшую посылку, надлежит знать, что природа церкви есть форма церкви: верно, что выражение «природа» прилагается к материи и форме, однако в более собственном значении оно применяется к форме, как показано это в «Физике». Форма же церкви есть не что иное, как жизнь Христа, заключенная как в Его речах, так и в Его деяниях. Ведь жизнь Его была идеей и образцом для воинствующей церкви, особенно для пастырей, и в наибольшей степени – для верховного пастыря, которому надлежит пасти агнцев и овец. Вот почему у Иоанна, раскрывая форму Своей жизни, Христос говорит: «Я дал вам пример, чтобы и вы делали то же, что и Я сделал вам»; так и вы поступайте. И особо говорит Он Петру, после того как доверил ему обязанность пастыря, что мы находим у того же Иоанна: «Петр, иди за Мной». Но что Он имеет власть светскую, Христос открыто отрицал перед Пилатом. «Царство Мое, – говорит Он, – не от мира сего; если бы от мира сего было Царство Мое, то служители Мои подвизались бы за Меня, чтобы Я не был предан иудеям; но ныне Царство Мое не отсюда». Не следует понимать это так, будто Христос, будучи Богом, не есть владыка земного царства, ибо Псалмопевец говорит: «Его – море, и Он создал его, и сушу образовали руки Его». Но означает это, что, будучи образцом для церкви, Христос не имел попечения о царстве земном. Подобно тому как если бы золотая печать говорила о себе самой: «Я не являюсь единицей меры ни для чего»; такое изречение неприложимо, когда печать эта рассматривается как золото, ибо золото в роде металлов есть мера, но приложимо оно постольку, поскольку печать есть некий знак, способный быть запечатленным на чем-то восприимлющем его. Итак, для церкви важно говорить и думать то же самое. Говорить или думать противоположное противоречит, очевидно, ее форме или природе, что одно и то же. Отсюда вывод, что право давать власть царству земному противоречит природе церкви; противоречие же во мнении или в речи есть следствие противоречия в вещи, являющейся предметом этой речи или этого мнения; истинное и ложное в речи имеет причиной бытие или небытие вещи, как наставляет нас тому учение о категориях. Итак, посредством приведенных выше аргументов было достаточно доказано от противного, что власть (*auctoritas*) империи вовсе не зависит от церкви.

XVI.

Хотя в предшествующей главе было доказано от противного, что власть империи не имеет своей причиной власть верховного первосвященника, однако еще не вполне и лишь косвенно, из следствия, доказано было, что эта власть зависит непосредственно от Бога; а следствие это таково: если она не зависит от наместника Бога, она зависит от Бога. Потому для полного решения поставленной задачи надлежит путем прямого доказательства доказать, что император, или монарх всего мира, стоит в непосредственном отношении к Главе Вселенной, то есть к Богу. Для уразумения дальнейшего следует знать, что из всех существ один лишь человек занимает промежуточное положение между тленным и нетленным; вот почему философы правильно уподобляют его горизонту, который есть середина между двумя полусферами. Ведь человек, если его рассматривать в обеих его существенных частях, то есть душе и теле, является тленным, рассматриваемый только со стороны одной из них, то есть со стороны тела, а со стороны другой, то есть души, он нетленен. Оттого Философ хорошо говорит о душе как о нетленной во второй книге «О душе», утверждая: «И это одно бывает отделимо, в качестве постоянно сущего, от тленного». Если, следовательно, человек есть некое среднее звено между тленным и нетленным, то, поскольку всякая середина причастна природе обеих крайностей, человеку необходимо быть причастным обеим природам. И так как всякая природа в конечном итоге предопределяется к некой цели, следует, что у человека цель двоякая, – если из всех существ он один причастен нетлению и тлению, то один он из всех существ предопределяется к двум конечным целям: одна из них есть его цель в той мере, в какой он тленен, а другая – в той мере, в какой он нетленен.

Итак, две цели поставило перед человеком неисповедимое провидение, а именно: блаженство здешней жизни, заключающееся в проявлении собственной добродетели и знаменуемое раем земным, и блаженство вечной жизни, заключающееся в созерцании Божественного лика, до которого собственная его добродетель подняться может не иначе как при содействии Божественного света, и об этом блаженстве позволяет нам судить понятие небесного рая. До этих двух блаженств, как до двух разных заключений, нужно доходить при помощи различных